

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир

ДЕСЯТЬ СТРЕЛ
ДЛЯ ОДНОЙ
р о м а н

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Десять стрел для одной : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-04-182955-1

На скромную библиотекарьшу Надю Митрофанову свалилось неожиданное наследство: дом с прекрасным садом в ближайшем Подмоскowie. Правда, соседи там довольно неприятные: зловещая слепоглая ясновидящая, стареющая красотка-психопатка, пьющая куриную кровь, и подозрительный, всюду сующий свой нос пенсионер. А над дачным поселком возвышается темный недостроенный замок, на развалинах которого произошло уже не одно убийство. И с того дня, когда Надя и ее возлюбленный, журналист Дмитрий Полуянов, переступили порог своего дома, с ними начали происходить странные пугающие события, которые совсем не вяжутся с безмятежным дачным отдыхом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-04-182955-1 ООО «Издательство «Э», 2017

*Все герои вымышлены,
все события придуманы.
В реальности ничего подобного
никогда не происходило.*

По пятницам она всегда ездила в офис на метро. Коллегам говорила: глупо тащиться на машине в самый пробочный день. Да и бокал вина приятно выпить на излете рабочей недели.

Сослуживцы (наивное стадо!) понимающе кивали. Они были уверены: начальница — безбожно скучна. По будням — строит карьеру, по выходным — грустит перед телевизором. Никому в голову прийти не могло, что вся ее жизнь — сплошной миф. Что истинное ее имя — Апата. Богиня лжи и обмана.

И что счастлива она только в этой своей ипостаси.

Когда рабочая неделя заканчивалась, Апата спешила к метро. Поначалу еще мелькали знакомые лица: вечная бабуса из ларька с проездными, грустный парень-сэндвич («глушителю и жестяные работы»), пьяненький афроамериканец с листовками танцевальной школы. Но чем глубже в подземку, тем дальше от банального вечера пятницы.

Богини лжи и обмана проводят выходные по собственному регламенту. Апата никогда в жизни не видела «Поле чудес» и ни разу не покупала себе

пенную бомбу для ванны. Она не посещала салоны и не мечтала улучшить внешность. Привлечь к себе внимание любит никчемная птица павлин. А ей куда больше нравилось быть мимолетной тенью. Размытым отражением. Отзвуком.

На работе (что поделаешь) требовалось носить маску.

Клиенты — в большинстве мужчины. Им скучно вести дела с девушкой в бесформенных джинсах. Приходилось одеваться на потребу самцам: каблук, юбка выше колен. Блузка или водолазка в обтяжку. К концу недели ненавистная шкурка натирает отчаянно. Апата минуты считала, когда сбросит наносное и обратится в себя истинную.

Уйти с работы одной никогда не получалось. Коллеги не оставляли в покое, тянулись за ней, терзали скучными разговорами про киношки, кафешки, премьеры и чем заняться в выходные. Апата виртуозно выдумывала собственные планы: фитнес, гольф, теннис, конный спорт. Поезд метро неся вперед. Сослуживцы постепенно выходили, отсеивались. Она покидала состав на «Комсомольской». Якобы шла на пересадку — все знали, что у нее квартира в Сокольниках. Попутчиков на красную ветку, по счастью, не было. Апата медленно шла по платформе. Доставала пудреницу, на ходу пробегалась по лицу пуховкой. На самом деле не пудрилась — смотрела в зеркальце, убеждалась: за ней никто не следует. И ни на какую пересадку не шла. Направлялась к вокзалам. На Ярославском, в

камере хранения, брала сумку. Дальше перебежала на Ленинградский, в платный душ. Заходила в раздевалку. Запихивала офисную униформу в пакет. Надевала шлепки. Шла в помывочную. Становилась под горячие струи. Смывала с себя косметику и фальшь рабочего дня. Потом вытиралась. Натягивала мягкие черные брюки. Влезала в любимую водолазку, или толстовку, или куртку — тоже обязательно черные. Со стоном восторга натягивала удобные мокасины. Стирала с ногтей красный лак, собирала волосы в хвост. Доставала очки с дымчатыми стеклами.

Душевую всегда сторожила одна и та же одышливая, но сноровистая старуха. Она цепко вылавливала из потока наркоманок и пьяных, горласто орала на редких смелых, кто проскакивал, не заплатив. Иногда сверялась с плакатом «Внимание, розыск!», что висел у нее за спиной. Но метаморфоза, которая каждую пятницу происходила с Апатой, ее не интересовала. Взгляд всегда равнодушный: «Без сдачи есть? Спасибо. Проходите».

«А может, давно заметила? И сообщила куда следует?»

Но, видно, не было такого закона, что девушке по пятницам нельзя менять имидж. И представители власти ни разу к ней не подходили. А подошли бы — ничего страшного. Паспорт, гражданство, прописка — все в полной норме.

Апате в принципе ничто не мешало ездить после работы домой и переодеваться там, без всяких

посторонних глаз. Но жаль было терять полтора часа времени. Плюс вокзальный антураж (камера хранения, белый казенный кафель, мельтешение лиц) вдохновлял. Хорошо настраивал — на риск и грядущее беззаконие.

Апата вежливо кивала старухе, сторожившей душ. Закидывала в камеру хранения сумку с офисной одеждой и мокрым полотенцем. Она поменяет ее на другую как-нибудь вечером, на неделе.

Потом снова прыгала в метро. Теперь путь лежал на Рижский. Или на Курский. Там электричка — до станции Павшино. Дальше автобус или маршрутка. Хотя пригород совсем ближний, народ здесь гораздо любопытнее, чем в столице. И новых лиц мало. Таксисты косятся, тетки-торговки, прохожие. Любопытно им, куда это она собралась. Молодая. Не местная. Одна. В пятницу вечером. В черном.

Можно было переодеваться. Экспериментировать с гримом. Но Апата предпочитала не внешность менять, а постоянно выискивать новые маршруты.

Пока их было наработано семнадцать. Недавно придумала восемнадцатый: от Тушинской, оказывается, прямо до Павшино можно доехать на маршрутке. А дальше — юркнуть в Железнодорожный переулок, попетлять, убедиться, что никто за тобой не следует, — и в лес, на тропинку, с фонариком.

Ночной природы Апата боялась куда меньше, чем людских, просвечивающих до донышка глаз.

Что плохого ей может сделать лось или филин? А от бродячих собак она носила с собой перцовый баллончик.

Любимый иногда встречал ее на полпути. Но чаще ждал дома. Она, в ночи, сама вся черная, будто грозовое небо, проскальзывала в калитку. Скреблась в дверь. И бросалась в его объятия.

Каждый раз, едва ныряла с разгону в тину его изумительных зеленых глаз, замечала: морщина меж бровей буравится все глубже. И взгляд-безнадега обволакивает, тащит за собой в топь. Он старел с каждой неделей. Семь дней. Ничтожный срок для включенного в столичную жизнь. И вечность — для отверженного.

— Я люблю тебя, — прижималась она к нему.

Когда-то он сразу истово, сладко впивался в ее губы. Теперь поцелуи с каждой неделей становятся холоднее. И пальцы — равнодушные, без тепла. А губы беззвучно шептали:

— Не могу больше. Не могу. Не могу.

Как его было утешить? Выхода Апата не видела.

Чтобы заново родиться, им обоим нужно исчезнуть. Но как это сделать? Пластическая операция? Купить новые документы? Нелегально перейти границу? Простите. Мы не шпионы. И не дети шпионов. Мы обязательно попадемся.

К тому же Апата не верила, что для них обоих возможна *нормальная* семья. Что они когда-нибудь станут рука об руку ходить в кафе, раскланиваться с соседями. Да и не нужно ей это. Она

не признавалась любимому, но получала удовольствие от той жизни, что вела сейчас. Пусть рабочая неделя бесконечно длинна и скучна. Пусть узкие туфли на каблуках безжалостно натирают. Переговоры тошнотворны, клиенты докучливы. Бесконечный кофе скоро, кажется, закапает из ушей. Зато с каждым днем все ближе становились заветные выходные. А в ночь с пятницы на субботу — никем не замеченная, вольная, дикая — Апата наконец ныряла в метро и улетала в настоящее счастье.

Зачем ей что-то иное?

* * *

Еще в полусне Лана Сумцова провела языком по деснам. Открыла глаза, бросила взгляд на тумбочку. Увидела. Скривилась. Зубы. Ее зубы. На салфетке. Какая мерзость! Она объездила всю Москву и несколько стран Европы. Консультировалась с мастиными профессорами. Убеждала, умоляла. Тем, кто внушаем, пыталась угрожать. Но ставить импланты все равно никто не согласился. А своих зубов, чтоб прицепить мост, не осталось.

Верно говорят: здоровье и молодость никакими деньгами не купишь.

Лана отвернулась от зеркала — не дай бог увидеть в нем собственный щербатый рот! На ощупь всунула протез. Лишь потом на себя взглянула — и сердито отвернулась от стекляшки. Специально